

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

ПРАВЛЕНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676–1682): ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Фигура царя Федора Алексеевича и события, происходившие в России в период его краткого правления, оказались в фокусе внимания историков лишь в конце XX века. С тех пор они стали объектом бурной полемики в отечественной историографии. Целью исследования является обобщение историографических позиций по основным дискуссионным вопросам, большинство из которых хронологически выходит за рамки царствования Федора Алексеевича. Рассматриваются вопросы о преемственности политики царя, основных тенденциях в эволюции государственной власти, степени самостоятельности правления, западном влиянии, начале Нового времени и характере проводимых реформ. Отмечается, что по вопросу о степени самостоятельности правления большинство исследователей высказывают мнение о постепенном возрастании личного участия царя в государственных делах. При этом выдвинутый П. В. Седовым тезис об ослаблении самодержавия в период правления царя Федора нуждается в дополнительной аргументации. Представляется продуктивной позиция историков, которые склонны проследить связь политики Федора Алексеевича как с преобразованиями предшественников, так и с петровскими реформами. При рассмотрении особенно бурной дискуссии о начале Нового времени выявлено, что большинство историков не склонны проводить четкую грань между Новым временем и Средневековьем. Отмечается, что ряд исследователей придерживаются точки зрения о поверхностной европеизации в период правления царя Федора. Однако большинству историков данный вариант поиска «нового», не сопровождающийся отказом от «старого», кажется реальной альтернативой радикальной и жестокой петровской европеизации. В сочетании с положительной оценкой характера проводимых Федором Алексеевичем реформ и используемых им методов эта позиция подводит к содержащемуся в современной историографии мнению о нереализованной возможности эволюционного развития страны. Подчеркивается, что представление о данном периоде как одной из точек бифуркации в российской истории должно стимулировать дальнейшее изучение состояния России в преддверии петровских преобразований.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историография, история России конца XVII века, А. П. Богданов, Д. М. Володихин, Н. Ф. Демидова, О. В. Новохатко, П. В. Седов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бауэр Т. В. Правление Федора Алексеевича (1676–1682): дискуссионные вопросы в новейшей отечественной историографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 34–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.867

ВВЕДЕНИЕ

Ни в дореволюционной, ни в советской историографии царствованию Федора Алексеевича, старшего брата Петра I, не уделялось должного внимания. Подобная позиция забвения обусловлена гиперболизацией масштабов личности и деятельности великого реформатора, в тени которого оказались его предшественники [2: 9]. На фоне деяний Петра I то, что происходило до его вступления на трон, казалось историкам чем-то примитивным, архаичным и заслуживающим изучения только в качестве предпосы-

лок петровских преобразований [1: 2]. Однако, по мнению исследователей, не только Петр Великий заслуживает фигуру своего старшего брата. Так, Д. М. Володихин сравнивает царя Федора с «долиной, обрамленной скалами», поскольку он оказался «как будто зажат в историческом времени меж крупными историческими личностями», в силу чего долгое время оставался почти незаметным [8: 6].

Трансформация образа Федора Алексеевича, в частности присвоение ему тусклых эпитетов «болезненный, хилый, малоспособный к государ-

ственным делам», по мнению Д. М. Володихина, обусловлена абберацией коллективной народной памяти, исказившей представления о царствовании Федора под влиянием «кровавой бани, последовавшей за его погребением» [8: 10, 249]. Однако, с точки зрения большинства современных историков, забвение и мифологизация образа царя и событий, связанных с его кратким правлением, являются результатом целенаправленных действий. По мнению А. П. Богданова, личность реформатора подверглась искажению с целью возвышения его младшего брата «родичами и клеветами нового царя», которые «стремились “счистить” со страниц русской истории память о годах правления Федора» [3: 3], [6: 7]. Как считает О. В. Новохатко, на отношении Петра к старшему брату не могли не сказаться «ненависть к московской старине, жесткое противопоставление всего отечественного западному», и именно с Петра началось «умолчание о достижениях предшественников при одновременном возвеличивании своих успехов», а затем эту точку зрения выгодно было поддерживать элите, созданной Петром [14: 277–278]. Верным представляется и весьма тонкое замечание Л. Хьюз: «Идея о том, что Россия была “чистым листом” до явления Петра, делала даже очень скромные достижения весьма значительными» [29: 330]. Именно благодаря петровскому «маркетингу» появился и миф об отсталости России в XVII столетии [26: 23]. В дальнейшем эти представления поддерживались тщательно конструируемой публицистами и историками мифологемой, в рамках которой Петр I предстает как demiurge, сотворивший новую Россию¹.

Лишь с конца XX века фигура царя Федора и события, происходившие в России в период его краткого правления, стали объектом пристального интереса историков. В предлагаемом историографическом обзоре в центре внимания находятся исследования А. П. Богданова, Д. М. Володихина, Н. Ф. Демидовой, П. В. Седова, О. В. Новохатко и других авторов, вышедшие в основном в 1990-е – 2010-е годы. При этом главными оппонентами, представившими в своих работах разный взгляд на личность и период правления Федора Алексеевича, являются А. П. Богданов и П. В. Седов. Оба исследователя относятся к одному поколению (А. П. Богданов родился в 1956, П. В. Седов – в 1960 году), однако их профессиональная подготовка разнится: первый является выпускником Московского государственного историко-архивного института (далее – МГИАИ), а второй окончил Ленинградский государственный университет,

что послужило, вероятно, одним из факторов, повлиявших на их оценку изучаемого периода. Стоит отметить, что основы позиции А. П. Богданова достаточно четко видны уже в ранних работах [2], [4], [5] и др., где предпринимается попытка дать общее представление о личности и периоде правления Федора Алексеевича, в то время как П. В. Седов изначально обращается к отдельным сюжетам, связанным с данным периодом и личностью будущего царя [16], [19], [20] и др. Пересмотр традиционных взглядов на фигуру и деяния царя Федора продемонстрирован также в научно-популярном очерке крупнейшего специалиста по XVII веку Н. Ф. Демидовой [9]. Так же как и А. П. Богданов, она является выпускницей МГИАИ, однако принадлежит к исследователям другого поколения (Наталья Федоровна родилась в 1920 году), что, вероятно, повлияло на ее более сдержанную, хотя при этом в целом достаточно позитивную оценку личности и характера правления Федора Алексеевича.

Стоит также отметить, что в 2000–2010-е годы интерес к личности и периоду правления царя Федора наблюдается как в академической исторической науке (см. монографию А. П. Богданова [3] и представленную в виде докторской диссертации и вызвавшую бурные дискуссии среди историков работу П. В. Седова [17]), так и в социально ориентированном историописании. Так, в 2013 году в серии «ЖЗЛ» выходит монография Д. М. Володихина [8]. В оценке личности и достижений Федора Алексеевича историк ближе к позиции А. П. Богданова, однако некоторые его выводы не столь полемично обострены. Возможно, это обусловлено тем, что профессиональное становление этих историков происходило в разные годы и под влиянием разных научных традиций (Д. М. Володихин окончил Московский государственный университет в 1993 году, а А. П. Богданов – выпускник МГИАИ 1979 года), да и сама книга вышла, когда подходы двух основных оппонентов уже сформировались в формате монографических исследований, и позиция автора состояла в их примирении по некоторым вопросам. Стоит отметить и ряд публикаций в научно-популярном журнале «Родина», в которых так или иначе затрагиваются вопросы, связанные с правлением царя Федора [1], [10], [26], [27].

В исследованиях, посвященных царствованию Федора Алексеевича, поднимается ряд дискуссионных вопросов, в том числе и таких, которые хронологически выходят за рамки его правления. К ним можно отнести вопросы о преемственности политики царя, основных тенденциях в эво-

люции государственной власти, степени самостоятельности правления, западном влиянии, начале Нового времени, характере реформ, которые расцениваются некоторыми современными историками как реальная альтернатива радикальной и жестокой петровской европеизации. Целью данной статьи является обобщение историографических позиций по основным дискуссионным вопросам.

ВОПРОС О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЛЕНИЯ

К числу историков, считавших Федора Алексеевича политически несамостоятельной фигурой, можно отнести Н. И. Костомарова, отмечавшего, что «власть была у него в руках только по имени»², С. М. Соловьева, называвшего царя Федора «преобразователем <...> в <...> стенах своей комнаты и спальни»³, Д. И. Иловайского, писавшего о склонности царя подчиняться ближайшим советникам⁴, С. Ф. Платонова⁵, Х.-И. Торке [22: 175] и др. Аргументами для исследователей служили молодость царя, а также его болезненность. Дело в том, что в одном из иностранных источников содержится уникальная информация о полученной царевичем в детстве тяжелой травме, вложенная в уста А. С. Матвеева, который, ссылаясь на этот случай, обосновывал перед умирающим Алексеем Михайловичем неспособность Федора к правлению. Современные исследователи, воспроизведя сведения из данного источника, обычно не настаивают на их абсолютной достоверности. Они указывают либо на косвенные доказательства [9: 341], [17: 184], либо ссылаются на медицинскую проблему, преследовавшую Федора во взрослом возрасте: время от времени ему трудно было ходить [8: 20]. Однако последнее обстоятельство историки чаще всего связывают с цингой, которую Федор Алексеевич унаследовал, по-видимому, либо от отца, либо от деда [3: 13, 55], [8: 34, 36], [17: 183, 193], [23: 221, 234].

К числу исследователей, придерживающихся противоположной точки зрения, можно отнести В. Н. Берха, который характеризовал царя как человека непоколебимого и способного к принятию самостоятельных решений⁶. Это мнение разделяет также современный историк А. П. Богданов. Он пишет о том, что при Федоре не было ни явных фаворитов, ни «первого министра», ни «серебряного кардинала», ни определенной группировки, которая бы манипулировала царем [3: 7], [6: 10] и др. Политически зрелым, способным проводить самостоятельный политический курс считает Федора И. В. Делягин⁷.

Однако уже в дореволюционной историографии можно встретить более взвешенный,

дифференцированный подход к вопросу о самостоятельности царя. Так, Е. Е. Замысловский пишет о том, что изначально Федор находился под сильным влиянием лиц, злоупотреблявших его доверием, однако последние годы правления отмечены проявлением самостоятельности в государственных делах⁸. Дифференцированного подхода к данному вопросу придерживаются также такие современные исследователи, как Д. М. Володихин, Н. Ф. Демидова и П. В. Седов, занимавшиеся проблемой периодизации правления Федора Алексеевича.

П. В. Седов, проанализировав на основании источников состояние здоровья Федора Алексеевича, опровергает тезис А. П. Богданова о том, что юный царь с первых же дней крепко взял бразды правления в свои руки, и показывает, что в это время от имени царя страной правили несколько влиятельных бояр. Он прослеживает «возрастание личного участия царя Федора Алексеевича в государственных делах <...> с 1679 г.», хотя и в рамках второго периода не признает его политически самостоятельной фигурой: «...у него не доставало еще опыта и силы воли, чтобы настоять на своем решении»⁹. О. В. Кошелева в коллективной рецензии на монографию П. В. Седова отмечает, что автор увлекается полемикой с А. П. Богдановым в характеристике личности Федора и оценке степени самостоятельности его правления. Приведенные им данные свидетельствуют, что Федор не был игрушкой в руках своего окружения [11: 176]. Схожей точки зрения придерживается и С. М. Шамин, который считает, что молодость и болезненность царя, а также следование советам и передача части функций управления выдвинутым самим Федором Алексеевичем боярам являются недостаточными аргументами в пользу того, что «он царствовал, но не правил», и можно лишь спорить о том, когда царь взял бразды правления в свои руки [11: 189–190]. О молодости и болезненности царя как недостаточных аргументах в пользу несамостоятельности его правления подробно рассуждает О. В. Новохатко, привлекая разнообразные параллели как из отечественной истории, так и из истории европейских абсолютистских государств. Исследователь показывает непоследовательность П. В. Седова в изложении собственных материалов, демонстрирующих активную позицию Федора Алексеевича, и соглашается лишь с тезисом об относительно пассивной роли царя, но не с мнением о его самоустранении от государственных дел в первый период правления, то есть до середины 1679 года [13: 394–412].

Более близок в оценке личности и правления Федора Алексеевича А. П. Богданову Д. М. Володихин. Историк видит в юном царе человека волевого, энергичного и деятельного. Он считает, что активность Федора Алексеевича, который и в начале своего правления мог настоять на своем, несмотря на то, что значительную роль в управлении страной играли придворные из окружения царя, начинает увеличиваться уже в 1678 году, а к 1681 году Федор становится самодержцем [8: 10, 40–43, 66–71, 82, 249]. В определенной степени солидаризуется с мнением А. П. Богданова и Н. Ф. Демидова. Однако она считает, что исследователь несколько преувеличил степень участия царя в делах применительно к первой половине его правления, поскольку роль Федора до середины 1679 года была скорее пассивной. И лишь во второй половине своего царствования, возмужав, Федор Алексеевич освободился от диктата временщиков и стал демонстрировать упорство и твердость характера, принимая деятельное участие в разработке реформ [9: 348, 359–361, 371, 378–397]. 1679 год в качестве некоего рубежа, достигнув которого Федор Алексеевич сложился как самостоятельный государственный деятель, называет и Т. В. Черникова [24: 11].

Итак, необходимо отметить, что достаточно длительное время большинство исследователей признавали политическую несамостоятельность Федора, однако наблюдения и выводы современных историков о постепенном возрастании личного участия царя в государственных делах, сделанные на основе анализа материалов, демонстрирующих активную позицию Федора Алексеевича, представляются достаточно аргументированными.

ДИСКУССИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В советской историографии еще в 1950-е годы сформировалась концепция перехода России во второй половине XVII века от сословно-представительной (сословной) монархии к абсолютизму, являвшаяся господствующей в 1960–1980-е годы. Однако тезис о неуклонном укреплении абсолютизма в этот период опровергается П. В. Седовым, который считает, что при Федоре Алексеевиче происходит временное ослабление самодержавной власти и властные полномочия перераспределяются в пользу патриарха, Думы, а затем и незнатных фаворитов царя [17: 240, 284, 326, 340–341].

В принципе, мнение о том, что даже в правление деда и отца Федора Алексеевича «самодер-

жавная власть была на самом деле малосамодержавная: все исходило от бояр и дьяков», при этом «еще менее можно было ожидать действительной силы от особы, носившей титул самодержавного государя по смерти Алексея Михайловича», высказывалось уже в дореволюционной историографии¹⁰. Однако подобные дискуссии об усилении либо ослаблении самодержавия неизбежно приводят исследователей к вопросу о сути самого понятия «самодержавие». Как отмечает Д. В. Лисейцев, если считать самодержавием личное участие царя в делах и игнорирование мнения ближайших советников, это делает самодержавие субъективным явлением. Если же придерживаться точки зрения, что самодержавие связано с отсутствием законодательно зафиксированных ограничений царской власти, потенциальной возможностью для царя поступать вопреки мнению своего окружения (а именно на такой тип власти указывает приводимый П. В. Седовым материал), нет оснований говорить об ослаблении самодержавия [11: 181]. Таким образом, тезис П. В. Седова об ослаблении самодержавия нуждается в дополнительной аргументации и внесении терминологической ясности в само понятие «самодержавие».

ВОПРОС О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОЛИТИКИ

Некоторые дореволюционные историки указывали на преемственность курса Федора Алексеевича и политики предшественников. Так, В. Н. Татищев видел в царствовании Федора продолжение деяний Алексея Михайловича (за исключением военной сферы)¹¹. В. Н. Берх и Н. И. Костомаров отмечали преемственность курса первых трех Романовых¹². Е. Е. Замысловский подчеркивал, что царствование Федора Алексеевича в большей степени обнаруживает связь с правлением его отца, а не с эпохой Петра I¹³. Последнее замечание представлялось автору особенно важным в рамках полемики с С. М. Соловьевым, акцентировавшим внимание на более тесной связи политики Федора Алексеевича и Петра Великого¹⁴. Другие историки отмечали связь политики царя Федора как с политическим курсом предшественников, так и с петровскими реформами¹⁵.

Проблема преемственности затрагивается и в современных исследованиях. Так, П. В. Седов последнюю треть XVII века – с 1667 по 1682 год – рассматривает как особый период истории, со своим содержанием и тенденциями, отличными как от регентства царевны Софьи, так и от результатов петровских реформ¹⁶, тем самым указывая на более тесную связь с предшествующим

царствованием. Н. Ф. Демидова в заключении очерка, цитируя Г. Ф. Миллера, солидаризуется с его точкой зрения. При этом в основной части работы до 1679 года прослеживается преемственность с деяниями Алексея Михайловича, а с 1679 года – с петровскими реформами [9: 347–402]. А. П. Богданов отмечает, что реформы Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и правление царевны Софьи стали фундаментом для деяний Петра и его преемников [6: 393]. В качестве предвестников преобразований Петра I исследователи рассматривают реформы и проекты в военной, административной, церковной, образовательной и культурной сферах¹⁷ [3: 236], [7: 53–67], [8: 90], [9: 369–397], [22: 180], [24: 11–14], [25: 191–192].

Представляется, что вдумчиво и детально изучая историю, можно без труда найти переклички как с деяниями предшественников, так и с петровскими преобразованиями. Здесь следует обратить внимание на весьма интересное замечание О. В. Кошелевой, которая пишет о том, что парадигма чистого листа означает для историков XVII столетия отсутствие предмета исследования [10: 17], в связи с чем представляется достаточно бесперспективной, как впрочем, и отрицание связи царствования Федора Алексеевича с предшествующим периодом.

ВОПРОС О НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Н. М. Карамзин и Н. Г. Устрялов точкой отсчета считали Петровскую эпоху¹⁸, а С. М. Соловьев предложил отсчитывать историю Нового времени не с Петра I, а с правления его старшего брата¹⁹. Попытка оспорить как традиционную периодизацию, так и точку зрения С. М. Соловьева была предпринята Е. Е. Замысловским. Исследователь отказывался расценивать царствование Федора Алексеевича и как эпоху, заканчивающую Древнюю Русь, и как точку отсчета истории Нового времени. Началом Нового времени он считал царствование Михаила Федоровича, а правление первых трех Романовых предлагал рассматривать в качестве отдельного цельного периода²⁰.

Современные исследователи также отдали дань этой дискуссии. Проблема периодизации затрагивается в исследованиях П. В. Седова. Однако его позиция в отношении установления грани между Средневековьем и Новым временем выглядит несколько неопределенной. В заключении монографии он отмечает, что поскольку все, что происходило при Петре I, имело истоки во время правления его старшего брата, годы царствования Федора обречены быть предме-

том историографических дискуссий: одни историки будут видеть в этом периоде начало Нового времени, другие – конец уходящей эпохи, и граница между средневековой историей России и Новым временем вряд ли будет единодушно принята. Однако, полемизируя с С. М. Соловьевым в основной части монографии, П. В. Седов все же предлагает относить правление Федора Алексеевича к эпохе Московского царства периода его заката. В заключении он возвращается к этой мысли. По мнению историка, преобразования Федора Алексеевича не сопровождались решительным отказом от московской традиции и не затрагивали основ «старого порядка», и в этом смысле они принадлежат более к средневековому периоду русской истории [17: 555–556, 284].

Эта позиция вызвала среди историков бурные дискуссии. Практически все авторы коллективной рецензии на монографию П. В. Седова высказались против либо отметили, что, действительно, не стоит проводить четкую грань. В определении «закат» исследователи усматривают терминологическую неясность, некоторые склонны расценивать его скорее как метафору. Критике подвергаются и конкретные аргументы, приводимые П. В. Седовым, такие как использование обвинений в колдовстве как средства политической борьбы и небюрократические методы в управлении, характерные якобы только для Средневековья. Исследователи отмечают также такие черты генезиса государства Нового времени, как эволюция политической системы, которую в XVII веке сложно назвать феодальной и средневековой в классическом понимании этих терминов, постепенный процесс бюрократизации Московского государства, развитие регулярной армии, формирование придворного общества и вмешательство государя в частную жизнь подданных. Эпитет «средневековое», согласно точке зрения М. М. Крома, вполне уместен лишь применительно к русскому обществу конца XVII столетия [11: 173–191]. Интересно, что схожее определение – «Осень Средневековья» – употребляет в своей рецензии на монографию П. В. Седова в отношении последней трети XVII века Ю. Эскин. Правда, автор оговаривается, что не считает XVII столетие Средневековьем в общепринятом смысле. Он, наоборот, видит в сфере культуры конца XVII века расцвет перед полной перестройкой просвещения, быта и разных областей искусства [27: 20].

Достаточно критично относительно точки зрения П. В. Седова высказываются И. Шмидт

и О. В. Новохатко. Исследователи отмечают, что красивое название книги сыграло с автором злую шутку: используя противопоставление допетровского и петровского периодов, историк упустил из виду, что после заката наступает ночь, а отнюдь не рассвет [13: 392–393], [26: 22]. Однако, выступая против тезиса о «средневековости» и «неевропейскости» России XVII века, О. В. Новохатко также впадает в некоторую крайность, заявляя, что для П. В. Седова Средневековье – это синоним отсталости, «некий эмоциональный ярлык, обобщающий негатив вообще, тогда как Новое время – напротив, это исключительный позитив». При этом автор справедливо критикует П. В. Седова за применение эпитета «средневековый» к характеру управления в XVII веке, колдовству как методу политической борьбы, прецедентному праву, образованию [13: 392–393, 412–420]. Стоит отметить, что за уподобление средневекового отсталому критикует П. В. Седова в одной из своих последних монографий и А. П. Богданов, который придерживается точки зрения о вступлении нашей страны в раннее Новое время во второй половине XV века [6: 425–426].

По мнению В. А. Аракчеева, сравнивая образ правления Федора и Петра, П. В. Седов «преувеличивает архаизм многих явлений изучаемого периода и модернизирует некоторые явления петровской эпохи» [11: 185]. По всей вероятности, в отдельных аспектах П. В. Седов действительно увлекается данной антитезой и оказывается под обаянием мифа об отсталости России в XVII веке, что отнюдь не умаляет других достоинств его исследования.

В ответе на коллективную рецензию П. В. Седов, в целом не отступая от своей позиции, предлагает рассматривать переход России от Средневековья к Новому времени как «длительный и многоплановый процесс, который начинается в XVII в., а заканчивается в последующие столетия», причем при желании искать истоки Нового времени можно уже в XV и XVI веках. Поясняя свою позицию относительно употребления лексемы «закат», автор подчеркивает, что он не вкладывал в это определение никакого негативно-уничужительного смысла, подразумеваемая под закатом «яркое явление накануне постепенного угасания, чреватого следующим рассветом», конец предшествующей переходной эпохи, в рамках которой старое сосуществовало с новым [18: 170–172, 177]. При этом П. В. Седову представляется плодотворным подход, который позволит проследить в рамках диахронического исследования, как происходили

кардинальные изменения в России на рубеже XVII–XVIII столетий, и детально рассмотреть вплоть до персонального уровня там, где это возможно, исторические реалии, поведенческие практики и историю повседневности [17: 555–556], [18: 177]. Хотелось бы дополнить данные мысли идеями И. Шмидта, который предлагает до рассмотрения динамики явлений проводить горизонтальные, точечные исследования конкретных феноменов без ухода в оценку перспектив сохранения Московского царства [26: 22–23]. Кроме того, подводя итог этой полемики, стоит также согласиться с мнением Т. В. Черниковой, которая относит подобные дискуссии к категории споров о стакане воды, наполненном наполовину, и считает, что в таких случаях невозможен «однозначный ответ в духе формальной логики», а «применима лишь диалектика» [24: 11].

ВОПРОС О ЗАПАДНОМ ВЛИЯНИИ

Прежде чем перейти к вопросу о западном влиянии, необходимо остановиться на связанной с ним дискуссии, касающейся образования Федора Алексеевича. А. П. Богданов пишет о том, что Федор Алексеевич получил европейское блестящее высшее гуманитарное образование и свободно владел церковнославянским, польским, латинским и греческим языками, при этом затраты на его обучение были выше, нежели на образование старшего сына царя [2: 31], [3: 7, 34, 61], [4: 36], [6: 30]. Впрочем, в одной из последних монографий автор, очевидно, под воздействием критики, высказывает сомнения насчет владения Федором греческим языком и глубоких познаний латыни и польского, дававших возможность вести свободный диалог [6: 30, 87]. Л. А. Черная расценивает подготовку Федора к управлению страной как вполне сопоставимую с подготовкой его старшего брата Алексея [23: 218]. Н. Ф. Демидова, характеризуя образование Федора как западное и достаточно основательное, тем не менее более скромно оценивает результаты обучения Федора в сравнении со старшим братом [9: 343–344]. Д. М. Володихин пишет о солидной теоретической при недостаточной практической военной и дипломатической подготовке [8: 23, 25].

Вывод о европейском образовании Федора Алексеевича подвергается критике в исследованиях П. В. Седова, который утверждает, что образование царевича не выходило за рамки московской традиции, а источником мифа о европейском образовании Федора считает сообщение В. Н. Татищева [17: 178], который писал

о том, что царевич под руководством Симеона Полоцкого изучал латинский и писал вирши²¹. Утверждение об обучении Федора под руководством знаменитого поэта и просветителя можно встретить как в дореволюционной²², так и в современной исторической литературе [6: 30], [8: 24], [9: 343]. Однако информация о том, что С. Полоцкий был учителем Федора, не отражена в документах [6: 86], [17: 181].

П. В. Седов считает, что могли иметь место лишь попытки ознакомить царевича Федора с иностранными языками, которые исследователь связывает с комбинацией, затеянной А. С. Матвеевым: желая освободить русский престол для Петра и объединить усилия Речи Посполитой и Московского государства в борьбе против Турции, он пытался реализовать идею женитьбы Федора на вдовой польской королеве [17: 182]. О том, что Федор, возможно, изучал латынь и польский в связи с видами на польский престол, упоминает и Л. А. Черная [23: 217].

Как отмечает П. В. Седов, с выводом которого солидаризуется Ю. Эскин, в целом результаты обучения царевича были скромными [17: 178–183], [27: 21]. В противовес А. П. Богданову, называвшему Федора «философом на троне» [2: 56], П. В. Седов пишет, что «он был скорее недоучкой, чем философом» [17: 183]. С этим определением не согласен С. М. Шамин, который считает его лишь штампом с негативной окраской [11: 189]. Не отказывая царевичу в живом уме и интересе к русской истории, В. А. Томсинов, тем не менее, ссылаясь на мнение о С. Полоцком Г. Флоровского, делает необоснованный вывод о том, что «если действительно у царевича был такой учитель, то <...> образование он получил весьма ограниченное, не подходящее для русского государственного деятеля», так как Полоцкий не знал и не любил русской истории и традиций [21: XII–XIV].

Стоит отметить, что вопрос о том, был ли С. Полоцкий учителем Федора, на данный момент остается открытым. А. П. Богданов пишет о том, что, хотя документы и не содержат упоминаний о связи С. Полоцкого с образованием Федора Алексеевича, сам царь почитал его как своего учителя и относился к нему с огромным уважением [6: 86–87]. Кроме того, как признает П. В. Седов, в период правления Федора Алексеевича С. Полоцкий достиг пика своего влияния при дворе и как царский советник мог вдохновлять и даже направлять юного государя в соответствии со своими взглядами [17: 429, 549]. Вполне вероятно, что он влиял на него и в плане ориентации на европейскую культуру.

Возвращаясь к вопросу о западном влиянии, необходимо отметить, что господствующим в историографии является мнение о начале процесса европеизации лишь в XVIII веке. Еще канцлер Г. И. Головкин утверждал, что только благодаря Петру I его подданные «из тьмы ничтожества и неведения вступили на театр славы и присоединились к образованным государствам европейским»²³. Однако даже те исследователи, которые указывали на ведущую роль Петра в данном процессе, отмечали, что контакты с западноевропейскими странами усиливаются ранее, в частности в правление Ивана III²⁴.

При этом вопрос, связанный с началом европеизации как качественно значимого для состояния российского общества и государства процесса, является дискуссионным. Начало европеизации датируется второй половиной XV века²⁵ [10: 130], 80-ми годами этого же столетия [23: 11], XVI веком²⁶, а также XVII столетием²⁷.

С. М. Соловьев, не употребляя термина «европеизация», высоко ценил усилия Федора Алексеевича в освоении западноевропейских достижений при посредничестве Польши, на которую он ориентировался в силу своего воспитания, характера и предпочтений, в то время как при Петре возобладало немецкое влияние²⁸.

Усиление при Федоре польского влияния, водворившегося в Москве после присоединения Украины, подчеркивает также Д. И. Иловайский²⁹. Более сдержан в своей оценке степени польского влияния С. Ф. Платонов. Акцентируя внимание на культурных новшествах, исследователь отмечает прежде всего греческое и киевское влияние, причем последнее привносило, по его мнению, и некоторые незначительные польские черты. При этом западные заимствования, как и в царствование Алексея Михайловича, были бессистемными и удовлетворяли только частные практические нужды государства³⁰. Любопытно, что В. О. Ключевский в 1909 году сделал в своем дневнике следующую запись: «Процарствуй Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама»³¹. Получается, что историк предполагал альтернативный путь развития России с ориентацией на католические, а не протестантские страны.

В современной историографии вопрос о степени польского влияния на нововведения и проекты в различных сферах государственной и культурной жизни ставится П. В. Седовым. Однако, по мнению историка, влияние культуры западных соседей, прежде всего Речи Посполитой, на преобразование Федора Алексеевича носило

поверхностный характер, поскольку ограничивалось узким кругом дворцовой знати и царского двора. Кроме того, как отмечает П. В. Седов, цели усвоения западного опыта Федор и Петр понимали по-разному: первый под влиянием Речи Посполитой поощрял развитие сословных прав, но был нерешителен в плане внедрения новшеств в сфере науки, образования и быта, второй считал, что сословные вольности неприменимы в России, зато «решительно резал длиннополые кафтаны и бороды, посылал учиться за границу». Разными были и их приоритеты в церковной политике: Федор Алексеевич усиливал церковную иерархию, что стесняло заимствования в области культуры, в то время как Петр I превратил церковь в часть государственной машины, что позволило провести решительную европеизацию³² [17: 398–403, 491–550, 554–555].

В интерпретации П. В. Седова поверхностная европеизация, осуществляемая в период правления царя Федора, выглядит как не вполне удачная и малорезультативная попытка усидеть на двух стульях. Однако ряд исследователей занимает несколько иную позицию: поиск «нового», не сопровождающийся отказом от «старого», трактуется ими нейтрально либо видится в более позитивном ключе. Так, Ф. Демидова отмечает явную приверженность Федора Алексеевича «латино-польской струе», обусловленную влиянием С. Полоцкого, и приводит примеры этого влияния в сфере образования, книгопечатания и быта [9: 389–396]. Т. В. Черникова также пишет о поверхностной европеизации, однако не в плане узости социальной базы, воспринимавшей новшества, а в силу того, что «западные новины» заимствовались механически, не меняя «основ социокультурной системы России»³³. Отмечая ориентацию Федора Алексеевича на польские формы государственных органов при разработке проекта церковно-административных реформ, исследователь подчеркивает, что при его обсуждении Федор «выступил куда большим “европейским сувереном”, чем Петр I», поскольку демонстрировал желание учитывать мнение политической элиты, оказавшейся, впрочем, консервативной, и пытался «расширить социальную базу, решавшую судьбу его реформ» в лице выборных комиссий [24: 11–14].

Д. М. Володихин называет Федора Алексеевича «русским государем, примирившим в себе родную почву и тягу к Европе», сближение с которой было неизбежным, он «вмещал в себе <...> два пути развития <...> не ссоря, не противопоставляя один другому», беря от европейцев то, что было полезно для страны. При-

чем народ, культура и церковь не ставились им в подчиненное по отношению к европейским порядкам положение [8: 9–10]. А. П. Богданов отмечает, что при Федоре ориентация на Польшу отнюдь не доминировала, и упоминает о применении в разных сферах западных достижений общеевропейского уровня. Не в пользу Петра I звучат и его слова о том, что Федор Алексеевич начал успешно проводить «необходимые стране преобразования <...> не низкопоклонствуя перед Западом, не отводя могучему государству роль сырьевого придатка Европы» [3: 4], [6: 7, 426–427]. Трудно сказать, насколько продуктивны столь категоричные оценочные суждения (разве что в плане стимула для полемики), однако стоит признать: мнение о том, что намечавшийся накануне петровских реформ эволюционный путь развития страны, сочетавший элементы «старинны» и «новизны», мог бы оказаться вполне перспективным, заслуживает внимания.

ВОПРОС ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

По верному замечанию М. В. Сапронова, вопрос об альтернативных петровскому вариантах развития России никто всерьез до недавнего времени не рассматривал. При этом автор дает обстоятельный историографический обзор, посвященный данной полемике, начиная с трудов французских философов и дореволюционных историко-публицистических сочинений и заканчивая современной исторической литературой [15: 31–37]. Сразу оговоримся, что нас не будут интересовать рассуждения историков, склоняющихся к точке зрения о невозможности ненасильственного, эволюционного варианта модернизации страны, поскольку в их работах значение правления Федора Алексеевича нивелируется (обзор данных исследований см. [15: 35–36]). Мы лишь остановимся на мнениях постсоветских исследователей, рассматривающих преобразования и проекты царя Федора в сравнении с петровскими реформами как возможную альтернативу революционным методам Петра. В фокусе их внимания оказывается также вопрос о характере и итогах преобразовательной деятельности Федора Алексеевича.

В современной историографии достаточно сдержанную позицию в данном вопросе занимает П. В. Седов, который отмечает, что «преобразования времени царя Федора Алексеевича, предвзвешивавшие более радикальные реформы Петра I, носили половинчатый характер, поскольку не сопровождались решительным отказом от московской традиции»³⁴. Автор пишет о том, что про-

исходившие изменения были косметическими, поскольку они не меняли средневекового характера государства. Исследователь отмечает, что этот путь был бы не слишком эффективен в военном и политическом отношении, что не означает невозможности его реализации [17: 555–556].

Апологетом Федора Алексеевича выступает А. П. Богданов. Исследователь подчеркивает, что Федор решительно и успешно проводил реформы, действуя при этом, в отличие от старшего брата, без деспотизма и жестокости, «не заливая, как Петр I, страну кровью, не сокращая ее население почти на четверть» [6: 10]. Россию периода правления Федора Алексеевича историк называет «могучей и процветающей державой, признанной на мировой арене в ранге империи», а самого царя – «несостоявшимся императором». Подчеркивая схожесть в образе мыслей и направленности реформ, А. П. Богданов выделяет и важное отличие: если для Федора Алексеевича «главным побудительным мотивом выступали “общее благо” и “всемирная польза” <...> то Петр апеллировал к “государственной пользе” конструируемой им дворянско-крепостнической, военно-полицейской державы», поэтому правление первого способствовало процветанию подданных, а правление второго – их разорению [3: 5–6, 314–318]. Историк также подчеркивает, что важнейшие преобразования проводились весьма оперативно и могут считаться вполне успешными и завершенными в отличие от многих петровских реформ [6: 429–430].

В позитивном для Федора ключе сравнивается деятельность старшего и младшего братьев и в исследовании Д. М. Володихина. Историк пишет о том, что Федор Алексеевич начал мягкую, щадящую, постепенную европеизацию страны, избавляющую ее от культурного раскола между «верхами» и «низами», что могло бы стать альтернативой «оглушительной, страшной, костоломной европеизации Петра Великого», продлился царствование Федора Алексеевича дольше [8: 10].

Возможность для России двигаться по иному пути, развивая «осторожный (в меру преобразовательный, в меру уважительный к старомосковским традициям) государственный курс Алексея Михайловича и его ближайших преемников», заложивших основы петровских преобразований, видит в XVII столетии и Т. В. Черникова³⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, пересмотр традиционных взглядов, касающихся личности и периода правления Федора Алексеевича, становится предметом научных исследований лишь с 1990-х годов. Стоит подчеркнуть, что в постсоветский период данная проблематика развивается как в рамках собственно академического дискурса, так и в социально ориентированном историописании, не утрачивая своей актуальности до настоящего времени. При этом оценка личности и достижений царя Федора все более смещается к демонстрирующей принципиально новый подход точке зрения А. П. Богданова, который считает, что реформы Федора Алексеевича предстают как положительная альтернатива петровским преобразованиям.

Разумеется, в данном обзоре затрагиваются лишь основные дискуссии, связанные с правлением Федора Алексеевича. За рамками статьи остаются частные проблемы, являющиеся объектом исследовательской полемики, например вопрос о результативности конкретных реформ царя Федора. Каждый из затронутых в статье сюжетов может стать перспективным направлением исследований. Данный период, безусловно, представляет особый интерес для историков, так как является одной из точек бифуркации в российской истории. Стоит согласиться с М. В. Сапроновым, что «всестороннее исследование состояния России во всех сферах накануне петровских преобразований» [15: 30] поможет разобраться в вопросе о возможности альтернативного эволюционного пути развития России на рубеже XVII–XVIII веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого // Романовы: pro et contra. Образы Романовых в общественном сознании российского, советского и постсоветского времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://romanovy.rhga.ru/upload/iblock/f6f/05_Feofan2.pdf (дата обращения 17.08.2022); Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М.: Типография Августа Семена, 1846. С. 335 и др.
- ² Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 4, 5. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 506.
- ³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 806.
- ⁴ Иловайский Д. И. История России. Т. 5. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905. С. 510.
- ⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: Директ-Медиа, 2010. С. 487–488, 518–519.
- ⁶ Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. 1. СПб.: В типографии Х. Гинце, 1834. С. 98–100.

- ⁷ Делягин И. В. Высшая власть и управление в царствование Федора Алексеевича: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 11–12.
- ⁸ Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. СПб.: Типография Замысловского и Бобылева, 1871. С. 14–15.
- ⁹ Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 27.
- ¹⁰ Костомаров Н. И. Русская история... С. 506.
- ¹¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. М.: АСТ; Ермак, 2005. С. 850–851.
- ¹² Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича... С. 113; Костомаров Н. И. Русская история... С. 506, 509.
- ¹³ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича... С. 35.
- ¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 803–807.
- ¹⁵ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Отв. ред. В. И. Буганов; Сост. А. Б. Каменский. М.: Наука, 1996. С. 320; Платонов С. Ф. Полный курс лекций... С. 605–606.
- ¹⁶ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 3–4, 9.
- ¹⁷ Виноградский Н. Церковный собор в Москве 1682 года. Смоленск: Паров. тип-лит. Я. Н. Подземского, 1899. С. 199–200.
- ¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. Т. 1. С. XXV; Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 1. СПб.: В типографии Аполлона Фридрихсона, 1855. С. 13.
- ¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 803–806.
- ²⁰ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича... С. 71–76.
- ²¹ Татищев В. Н. История Российская... С. 849–850.
- ²² Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича... С. 1–2; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб., 1896. С. 806 и др.
- ²³ Перевезенцев С. В. Мнения о личности и деятельности Петра I // Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/history/40144.php> (дата обращения 17.08.2022).
- ²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. II. Т. V–VIII. М.: Книга, 1989. С. 38; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. I–V. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1851. С. 1351; Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2. Июнь. С. 332 и др.
- ²⁵ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 8.
- ²⁶ Simmons E. English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge: Harvard University Press, 1935. P. 3–4.
- ²⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 330.
- ²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 803–806.
- ²⁹ Иловайский Д. И. История России... С. 477–478.
- ³⁰ Платонов С. Ф. Полный курс лекций... С. 487.
- ³¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 347.
- ³² Седов П. В. Закат Московского царства... С. 28–43.
- ³³ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв... С. 5, 40–41.
- ³⁴ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 9.
- ³⁵ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв... С. 5, 40–41.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. Почему Петр? Была ли альтернатива для России? // Родина. 2007. № 11. С. 2–4.
2. Богданов А. П. Исторические расследования: Царь Федор Алексеевич; Царевна Софья Алексеевна: В тени Петра Великого. М.: Армада, 1998. 330 с.
3. Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М.: Вече, 2009. 320 с.
4. Богданов А. П. Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 59–77.
5. Богданов А. П. Федор Алексеевич, 1676–1682. М.: Рос. унив. изд-во, 1994. 48 с.
6. Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2020. 760 с.
7. Волков М. Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2. С. 53–67.
8. Володихин Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. М.: Молодая гвардия, 2013. 267 с.
9. Демидова Н. Ф. Федор Алексеевич // Первые Романовы на российском престоле / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова. М.: Русское слово, 2000. С. 337–402.
10. Кошелева О. В. «Не всё ли то его заводы?» // Родина. 2007. № 11. С. 15–18.
11. Кошелева О. Е., Лисейцев Д. В., Кром М. М., Аракчеев В. А., Шамин С. М. П. В. Седов. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с., ил. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 173–191.

12. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004. 536 с.
13. Новохатко О. В. Как закатывают царства // Очерки феодальной истории России. М.: Альянс-Архео, 2009. Вып. 13. С. 392–431.
14. Новохатко О. В. Что общего у царя Федора Алексеевича и сэра Исаака Ньютона?: Рецензия на монографию А. П. Богданова «Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018» // Novogardia. 2019. № 3. С. 263–280. DOI: 10.25797/NG.2019.3.3.012
15. Сапронов М. В. Русское государство в конце XVII в.: эволюция или революция (К вопросу об альтернативах петровским преобразованиям) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 30–40.
16. Седов П. В. Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 77–93.
17. Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.
18. Седов П. В. Ответ рецензентам // Отечественная история. 2008. № 4. С. 170–178.
19. Седов П. В. Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Когда Россия молодая мужала с гением Петра: Труды Всерос. науч. конф. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 77–84.
20. Седов П. В. О боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681–1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. Вып. 2. С. 25–29.
21. Томсинов В. А. Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / Сост. и автор вступ. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. LXXXI, 199 с.
22. Торке Х.-И. Федор Алексеевич // Русские цари. 1547–1917 / Под ред. Х.-И. Торке. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Зевс, 1997. С. 175–188.
23. Черная Л. А. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013. 413 с.
24. Черникова Т. В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 10–17. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-6-27-10-17
25. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
26. Шмидт И. От заката до рассвета – только мысль // Родина. 2007. № 11. С. 22–23.
27. Эскин Ю. Осень Средневековья по-русски // Родина. 2007. № 11. С. 20–22.
28. Янов А. Л. Россия и Европа. 1462–1921: В 3 кн. Кн. 1. Европейское столетие России. 1480–1560. М.: Новый Хронограф, 2008. 696 с.
29. Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 602 p.

Поступила в редакцию 19.09.2022; принята к публикации 10.01.2023

Review article

Tatiana V. Bauer, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

THE REIGN OF TSAR FYODOR ALEKSEYEVICH (1676–1682): DEBATABLE ISSUES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The figure of Tsar Fyodor Alekseyevich and events that took place in Russia during his brief reign came into the focus of historians' attention only in the late XX century. Since then they have become the object of vigorous debates in domestic historiography. The purpose of this article is to summarize the historiographical positions on the main controversial issues, most of which chronologically go beyond the reign of Fyodor Alekseyevich. The article addresses the questions of continuity of the Tsar's policy, the basic tendencies in the evolution of state power, the degree of independence of the governance, the western influence, the beginning of the New Age, and the character of the implemented reforms. It is noted that while discussing the issue of the degree of the Tsar's governance independence, most researchers express an opinion that his personal participation in state affairs gradually increased. However, Sedov's thesis about the weakening of the autocracy during the reign of Tsar Fyodor needs additional argumentation. The position of historians who tend to trace the connection of the policy of Fyodor Alekseyevich both with the transformations of his predecessors and with the reforms of Peter the Great seems quite productive. When considering a particularly heated discussion about the beginning of the New Age, it was revealed that most historians are not inclined to draw a clear line between the New Age and the Middle Ages. It is noted that a number of researchers adhere to the point of view of superficial Europeanization during the reign of Tsar Fyodor. However, for most historians this version of the search for the "new", not accompanied by the rejection of the "old", seems to be a real alternative to the radical and cruel Petrine Europeanization. Together with the positive assessment of the nature of the reforms carried out by Fyodor Alekseyevich and the methods he used, this position leads to the opinion contained in modern historiography about the

unrealized possibility of the evolutionary development of the country. It is emphasized that the idea of this period as one of the bifurcation points in Russian history should stimulate further study of the Russian state on the eve of Peter the Great's reforms.

Key words: historiography, Russian history of the late XVII century, A. P. Bogdanov, D. M. Volodikhin, N. F. Demidova, O. V. Novokhatko, P. V. Sedov

For citation: Bauer, T. V. The reign of Tsar Fyodor Alekseyevich (1676–1682): debatable issues in modern Russian historiography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):34–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.867

REFERENCES

1. Anisimov, E. Why Peter? Was there an alternative for Russia? *Homeland*. 2007;11:2–4. (In Russ.)
2. Bogdanov, A. P. Historical investigations: Tsar Fyodor Alekseyevich; Tsarevna Sofia Alekseyevna: In the shadow of Peter the Great. Moscow, 1998. 330 p. (In Russ.)
3. Bogdanov, A. P. The failed Emperor Fyodor Alekseyevich. Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.)
4. Bogdanov, A. P. Fyodor Alekseyevich. *Questions of History*. 1994;7:59–77. (In Russ.)
5. Bogdanov, A. P. Fyodor Alekseyevich, 1676–1682. Moscow, 1994. 48 p. (In Russ.)
6. Bogdanov, A. P. Fyodor Alekseyevich, the Tsar Reformer: the older brother of Peter the Great. Moscow, 2020. 760 p. (In Russ.)
7. Volkov, M. Ya. Abolition of mestnichestvo in Russia. *History of the USSR*. 1977;2:53–67. (In Russ.)
8. Volodikhin, D. M. Tsar Fyodor Alekseyevich, or Poor adolescent. Moscow, 2013. 267 p. (In Russ.)
9. Demidova, N. F. Fyodor Alekseyevich. *The first Romanovs on the Russian throne*. (A. Preobrazhensky, L. E. Morozova, N. F. Demidova). Moscow, 2000. P. 337–402. (In Russ.)
10. Kosheleva, O. V. “Aren't those all his plants?”. *Homeland*. 2007;11:15–18. (In Russ.)
11. Kosheleva, O. E., Liseitsev, D. V., Krom, M. M., Arakcheev, V. A., Shamin, S. M. P. V. Sedov. The decline of the Moscow Tsardom: The tsar's court of the late XVII century. St. Petersburg, 2006. 604 p. *Russian history*. Moscow, 2008. No 1. P. 173–191. (In Russ.)
12. Narochitskaya, N. A. Russia and the Russians in world history. Moscow, 2004. 536 p. (In Russ.)
13. Novokhatko, O. V. How kingdoms are downed. *Essays on the feudal history of Russia*. Moscow, 2009. Issue 13. P. 392–431. (In Russ.)
14. Novokhatko, O. V. What do King Feodor A. and Sir Isaac Newton have in common? Review of the monograph by A. P. Bogdanov “Tsar-reformer Feodor A.: older brother Peter I. M.: Academicheskiiy project, 2018”. *Novogardia*. 2019;3:263–280. DOI: 10.25797/NG.2019.3.3.012 (In Russ.)
15. Sapronov, M. V. Russian state in the end of XVII century: evolution or revolution? (to the question about alternatives of the reforms of Peter the Great). *Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”*. 2014;14(1):30–40. (In Russ.)
16. Sedov, P. V. Childhood years of Tsar Fyodor Alekseyevich. *Medieval Russia: Collection of articles dedicated to the 65th birth anniversary of Professor R. G. Skrynnikov*. St. Petersburg, 1995. P. 77–93. (In Russ.)
17. Sedov, P. V. The decline of the Moscow Tsardom: The tsar's court of the late XVII century. St. Petersburg, 2008. 604 p. (In Russ.)
18. Sedov, P. V. Response to reviewers. *Russian History*. 2008;4:170–178. (In Russ.)
19. Sedov, P. V. Reform of service dress under Fyodor Alekseyevich. *When young Russia was maturing with the genius of Peter the Great: Proceedings of the all-Russian research conference*. Pereslavl-Zalessky, 1992. Issue 1. P. 77–84. (In Russ.)
20. Sedov, P. V. The boyars' attempt to establish governorships in Russia in 1681–1682. *Bulletin of Leningrad State University*. 1985;9(2):25–29. (In Russ.)
21. Tomsinov, V. A. Tsar Fyodor Alekseyevich as a statesman and a man. *Legislation of Tsar Fyodor Alekseyevich: 1676–1682. Legislation of Tsars Ivan Alekseyevich and Pyotr Alekseyevich; 1682–1696*. Moscow, 2012. LXXXI, 199 p. (In Russ.)
22. Torke, H.-J. Fyodor Alekseyevich. *Russian Tsars. 1547–1917*. Rostov-on-Don; Moscow, 1997. P. 175–188. (In Russ.)
23. Chernaya, L. A. The daily life of Moscow sovereigns in the XVII century. Moscow, 2013. 413 p. (In Russ.)
24. Chernikova, T. V. The sources of reforms of Peter I in reforms of the state administration in the government of Feodor III and in the government of regent Sofia. *MGIMO Review of International Relations*. 2012;27(6):10–17. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-6-27-10-17 (In Russ.)
25. Chernov, A. V. Armed forces of the Russian state in the XV–XVII centuries. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)
26. Schmidt, I. From dusk till dawn – only a thought. *Homeland*. 2007;11:22–23. (In Russ.)
27. Èskin, Yu. Russian autumn of the Middle Ages. *Homeland*. 2007;11:20–22. (In Russ.)
28. Yanov, A. L. Russia and Europe. 1462–1921: In 3 books. Book 1. The European century of Russia. 1480–1560. Moscow, 2008. 696 p. (In Russ.)
29. Hughes, L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London, 1998. 602 p.

Received: 19 September, 2022; accepted: 10 January, 2023